
УДК: 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2025.03.02

ЧАВЧАНИДЗЕ Д.Л.¹ ФИЛОСОФИЯ НЕМЕЦКОГО РОМАНТИЗМА В РАБОТАХ В.Г. БЕЛИНСКОГО[©]

Аннотация. Рассматривается влияние немецкой философии, эстетических теорий Шеллинга и Гегеля, на критические воззрения В.Г. Белинского. Анализируется выдвинутое им сравнение Гофмана и Гоголя, восприятие первого вторым, во многом способствовавшее романтическим тенденциям в русской литературе. Выделяется предлагаемое русским критиком сравнение Жан-Поля и Жорж Санд как отступление романтического метода перед реалистическим, отмечается его возражение против романтического культа Шекспира.

Ключевые слова: В.Г. Белинский; романтизм; немецкая философия; народная поэзия.

Для цитирования: Чавчанидзе Д.Л. Философия немецкого романтизма в работах В.Г. Белинского // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2025. – № 3. – С. 27–36. – DOI: 10.31249/lit/2025.03.02

Поступила: 10.02.2025

Принята к печати: 31.05.2025

CHAVCHANIDZE J.L.² The philosophy of German Romanticism in the works of V.G. Belinsky[©]

¹ **Чавчанидзе Джульетта Леоновна** – доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; juchav@mail.ru

[©] Чавчанидзе Д.Л., 2025

² **Chavchanidze Julietta Leonovna** – DSc in Philology, Professor of the Department of the history of foreign literature, Faculty of philology, Lomonosov Moscow State university; juchav@mail.ru

[©] Chavchanidze J.L., 2025

Abstract. The influence of German philosophy, aesthetic theories of Schelling and Hegel on the critical views of V.G. Belinsky is considered. The comparison of Hoffmann and Gogol put forward by him is analyzed, as is the perception of the former by the latter, which largely contributed to romantic tendencies in Russian literature. The comparison of Jean-Paul and George Sand proposed by the Russian critic is singled out as a retreat of the romantic method before the realistic one, and Belinsky's objection to the romantic cult of Shakespeare is noted.

Keywords: V.G. Belinsky; romanticism; German philosophy; folk poetry.

To cite this article: Chavchanidze, Julietta L. "The philosophy of German Romanticism in the works of V.G. Belinsky", Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 3, 2025, pp. 27–36. DOI: 10.31249/lit/2025.03.02 (In Russian)

Received: 10.02.2025

Accepted: 31.05.2025

«Примерно пять веков европейского развития – 1300–1800, пережитые с точки зрения одного великого пятилетия, 1789–1804, – вот что такое романтизм», – писал Н.Я. Берковский [Берковский, 1973, с. 114]. В литературе этого периода сохранялись лучи прошлого и проступали новые излучения, которые найдут отсвет в последующих эстетических исканиях. И не только «в сладком ропоте хвалы», что тоже заслуживает внимания. В частности, это подтверждается двойственным отношением к немецкому романтизму В.Г. Белинского.

Эстетические воззрения в России 20-х годов XIX столетия исследованы достаточно¹. Они складывались в отказе от классицистических норм, воспринятых из французской литературы. В 1825 г. Д. Веневитинов противопоставил «французскому» методу «немецкий», романтический, – к тому времени в России были известны поздние труды братьев Шлегель, «Фантазии об искусстве» Вакенродера и Тика, «Приготовительная школа эстетики» Жан-Поля, «Эрвин. Четыре диалога о прекрасном и об искусстве» К.В.Ф. Зольгера. С начала 30-х годов значительную роль приобрело учение Шеллинга.

В 1833 г. Бестужев заявил: «Поэт в наш век не может не быть романтиком» [Бестужев-Марлинский, 1958, т. 2, с. 593].

¹ См.: [Каменский, 1974]; [Манн, 1998]; [Фризман, 1978].

Пушкин, в ответ на сетования, что романтизм «сделался для многих эгидою безотчетливости и сумасбродства», писал: «Германская философия... нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и, хотя говорили они языком мало понятным для непосвященных, но тем не менее их влияние было благотворно и час от часу становится более ощутительно» [Пушкин, 1938, с. 744]. Познакомившись в 1826 г. при посредстве Веневитинова с идеями Шеллинга, он многое в искусстве осмыслил по-новому.

С освоением шеллингианства в России началась деятельность Белинского, первого профессионального русского критика. Отступление классицизма перед романтизмом он охарактеризовал как «возвращение к естественности, а следовательно, самобытности и народности» [Белинский, 1953–1959, т. 1, с. 68]. В.М. Сечкарев, предполагая, что Белинский самого Шеллинга не читал, отмечал в его работах следы «шеллингианского» [Setchkareff, 1939, S. 89]¹, прежде всего критерий поэтического таланта, – по Шеллингу, единство «бесцельности с целью», «бессознательного с сознательным» [Шеллинг, 1966, с. 207]. С уверенностью повторял Белинский убеждение братьев Шлегель, что романтизм возник в христианскую эпоху²: «Мир преобразился крестом, и обновленное и одухотворенное человечество пошло другою дорогою» [Белинский, 1953–1959, т. 1, с. 265]. Моментом такого обновления он называл Реформацию в Германии, что вызвало бы категорическое возражение Новалиса, для которого это был «конец романтической поры», начало «безверия практицизма» [Novalis, 1975, S. 450].

Вслед за немецкими теоретиками Белинский связывал с христианством последовательное совершенствование жанра романа, утверждение *человеческой индивидуальности*. В романе историческом он оценивал соответствие «истине человеческой души... истине поэтической...», ссылаясь в этом на Шлегеля, Шеллинга, Зольгера. К Сервантесу и Гёте, которых Шеллинг называл мастерами романного жанра, русский критик присоединял Купера и Гофмана. Но аналогичной подачи основной идеи – «в отдельных особностях» [Белинский, 1953–1959, т. 5, с. 40] – не находил ни у Тика, ни у Фуке, и похвала им в книге «Современные повести модных писателей» (1834) вызвала его возмущение:

¹ См. также: [Каменский, 1980].

² См.: [Шлегель, 1983, с. 32].

«Хороша знаменитость и современность!» [Белинский, 1953–1959, т. 1, с. 171]¹.

Романтическую фатальность человеческой судьбы, «одно из самых несчастных и жалких заблуждений человеческого ума», Белинский осуждал: «Фаталисты лишают человека свободной воли, делают его рабом и игрушкой какой-то неотразимой, враждебной и грозной силы и, наконец, ее жертвою» [Белинский, 1953–1959, т. 2, с. 103]. Единственным, кто сумел показать, что фаталическое – не то же самое, что фантастическое, он объявил Гофмана, а Гоголь: «...вздумал написать фантастическую повесть а la Hoffmann, и повесть эта никуда не годится!» [Белинский, 1953–1959, т. 1, с. 181]. По мнению Белинского, фантастическое у Гоголя приобретает смысл фаталического, тогда как «у Гофмана человек бывает часто жертвою своего собственного воображения, игрушкой собственных призраков, мучеником несчастного темперамента...»² [Белинский, 1953–1959, т. 2, с. 103].

Как бы вслед за Веневитиновым, Белинский подчеркивал различие между повестью немецкой, романтической, и французской, «аналитической историей души», «синтетической картиной внешней жизни» [Белинский, 1953–1959, т. 2, с. 153]. В сравнение привлекались сочинения опять-таки Гофмана... и Бальзака. «Герой немца... мученик мысли... создает себе идеал женщины и, воспламененный им, возвышается до гениальной деятельности в искусстве, а потом, нашедши осуществление этого идеала... в смертной женщине... ненавидит ее, своих детей, самого себя, и оканчивает все это сумасшествием...» [Белинский, 1953–1959, т. 2, с. 153–154]³. У француза же герой «представляется иногда на чердаке или в каком-нибудь мещанском пансионе *матушки* Вокер», но мечтает об именитых красавицах на паркете [Белинский, 1953–1959, т. 2, с. 154].

Исходным пунктом дальнейших воззрений русского критика стал тезис Гегеля: «Все существующее разумно» – по сути опровержение идеологии романтизма. «Действительность есть положительное жизни, призрачность – ее отрицание» [Белинский, 1953–

¹ Белинскому явно не было известно, что переведенная Жуковским «Ундина», по его же словам, «благоуханная, мелодичная, фантастическая повесть сердца», принадлежит перу Фуке.

² Очевидно, что Белинскому не был известен роман Гофмана «Эликсиры дьявола» (1815).

³ Сюжет надуман Белинским под впечатлением от творчества Гофмана.

1959, т. 3, с. 438], – заявил он в 1840 г., отказываясь признавать творчество романтическое, отрицание по самому своему характеру. Полемиические перегибы восторженного гегельянца сказались в переоценке Фихте и Шеллинга, положивших начало умонастроению немецкого романтизма. С недовольством он писал Бакунину в 1838 г.: «Ты первый уничтожил в моем понятии цену опыта и действительности, втащив меня в фиктеанскую отвлеченность...» [Белинский, 1953–1959, т. 11, с. 282]. В другом письме язвительно замечал, что «Петр Великий (который был очень плохой философ) понимал действительность больше и лучше, нежели Фихте» [Белинский, 1953–1959, т. 11, с. 315].

Но и в догегелевских учениях Белинский усматривал продвижение к более широкому миропониманию: Фихте «эманципировал человечество» [Белинский, 1953–1959, т. 11, с. 220] от кантовского понятия долга, в Шеллинге увидели «зарю бесконечной действительности, которая в учении Гегеля осенила мир роскошным и великолепным днем...» [Белинский, 1953–1959, т. 3, с. 433]. И заключал: «чтобы понимать Гегеля, нужно познакомиться с Кантом, Фихте и даже Шеллингом» [Белинский, 1953–1959, т. 11, с. 147], – хотя у последнего не находил ни стройной системы, ни умения просто говорить о сложных вещах, ни четких обобщений. Гегеля же защищал от приверженцев романтического мышления: «...в простом труднее разгадать бесконечную действительность, чем в поражающей внешнею грандиозностью форме... в небе легче увидеть образ бесконечного, чем в кухне...» [Белинский, 1953–1959, т. 11, с. 387]. Появившееся в «Сыне отечества» высказывание, что «Гегель – жалкое явление после Шеллинга, так же, как Варнгаген¹ – после Шлегеля» [Белинский, 1953–1959, т. 3, с. 157], его раздражало. При этом Белинский обычно не указывал, кого из двух братьев Шлегель имеет в виду, для него Шлегель – имя нарицательное.

Вникая в новые художественные критерии, Белинский постоянно ссылался, как на образец, на творчество Шекспира, совпадая в этом с теоретиками немецкого романтизма. Однако на совершенно ином основании. В «Литературных мечтаниях» он приветствовал увлечение Шекспиром, «эхо умственного переворо-

¹ Фарнгаген фон Энзе – известный критик тех лет. – Д. Ч.

та, совершившегося в Европе, который начал Шлегель»¹ [Белинский, 1953–1959, т. 1, с. 66], но вскоре решительно осуждал тех, кто пытался подражать Шекспиру «в уродливых и нелепых немецких трагедиях» [Белинский, 1953–1959, т. 6, с. 461]. Особенно не любимых, Грильпарцера, Вернера, Раупаха, в котором его раздражало то же, что Гёте, – «красивость в мелочах, но абсолютно ничего существенного, ничего заслуживающего изображения в целом»². Не разделяя внимания романтиков к средневековому наследию: «кому теперь придет охота, забывши целую историю человечества и всю современность, искать поэзии только в католических и рыцарских преданиях...» [Белинский, 1953–1959, т. 5, с. 296], – Белинский тем не менее готов был признать в нем «романтические элементы, которыми человечество запасалось на будущую жизнь и которые теперь явились в своей слитной действительности» [Белинский, 1953–1959, т. 3, с. 433].

Романтической тенденции западной эстетики русский критик отдал должное, хотя с оговоркой: «...идеальный и возвышенный романтизм Шлегелей важен больше как реакция псевдоклассицизму, нежели как истинная поэзия...» [Белинский, 1953–1959, т. 5, с. 296]. Считая их положения односторонними (надо понимать, их субъективность), он тем не менее в четвертой статье цикла «Сочинения Александра Пушкина» повторил еще более однозначно: «В туманных умозрениях немцев вообще и в романтических созерцаниях Шлегелей в частности есть много истинного и верного...» [Белинский, 1953–1959, т. 7, с. 270].

Ставшее тогда модным признание народной поэзии выше «художественной» Белинский решительно отрицал: «...смешное заблуждение <...>!» [Белинский, 1953–1959, т. 2, с. 309]. Однако собственное его представление о ней оказывалось довольно близко к концепциям гейдельбергского романтизма. В 1841 г. он писал: «Художественная поэзия всегда выше естественной, или собственно народной. Последняя есть только... мир темных предощущений, смутных предчувствий; часто она не находит слова для выражения мысли и прибегает к условным формам... художественная поэзия... всегда выражается образами определенными и точными, прозрачными и ясными» [Белинский, 1953–1959, т. 2,

¹ В данном случае подразумевался скорее А.В. Шлегель – «превосходный переводчик и, для своего времени, превосходный критик» [Белинский, 1953–1959, т. 9, с. 405], которого Белинский защищал от нападок Кукольника.

² Цит. по: [Müller, 1982, S. 44].

с. 308]. О полемике между Я. Гриммом и Арнимом по этому поводу в 1811–1813 гг. он вряд ли мог знать, в России скорее было известно резкое выступление А.В. Шлегеля в 1815 г. против предложенного Гриммом деления поэзии на «естественную» (*Naturpoesie*) и «художественную» (*Kunstpoesie*). По Гримму, поэзия естественная выражает народную сущность и в Средние века составляет лишь основу художественной, которая строится на выражении *индивидуального* начала; Арним же понимал естественное и художественное как единое целое = того и другого¹.

Еще в догегелевский период Белинский не приветствовал ни сочинение сказок «под народные», ни обработку последних²: «...сказки созданы народом... ваше дело описать их как можно вернее под диктовку народа, а не подновлять и не переделывать» [Белинский, 1953–1959, т. 1, с. 150]. По сути это повторяло заявление братьев Гримм в свете учения Гердера о стадиях истории культуры. В их предисловии к первому изданию сказок говорится, что «всякая обработка сказаний... уничтожает их простоту... ненапыщенную чистоту, вырывает их из сферы, которой они принадлежат...» [Brüder Grimm, 1984, S. 23].

В другой мысли, относительно общего между литературой новейшей и эпической, Белинский сближался с А.В. Шлегелем: «в грубой сказке» могут быть «основания человечности» [Белинский, 1953–1959, т. 5, с. 327]. Соглашался с романтиками и в том, что эпическая поэзия могла заимствовать важнейшее из сказок: «у немцев... для нее была готова родная почва, богатая дивными семенами...» [Белинский, 1953–1959, т. 5, с. 328]. Статью С.И. Барановского о «Нибелунгах», напечатанную в «Современнике» в 1841 г. (т. 24–25), считал интересной и важной.

Размышляя в конце 1840-х годов о переводах немецких сочинений, Белинский интересовался, что такое «Петер Шлемиль» Шамиссо [Белинский, 1953–1959, т. 11, с. 507], считал, что должен быть переведен «Гофман весь» [Белинский, 1953–1959, т. 11, с. 375] и беспокоился о качестве желаемого перевода: «Переводить подобные произведения – то же, что держать в руках бабочку: того и гляди, что сотрешь или сдуешь радужную пыль с ее роскошных крылышек» [Белинский, 1953–1959, т. 4, с. 292]. Был намерен сам переводить «чудака Гофмана» [Белинский, 1953–1959, т. 11,

¹ О расхождении между Гриммом и Арнимом см. обстоятельную статью: [Thalheim, 1986]. Также: [Михайлов, 1987].

² См.: [Манн, 1998, с. 209].

с. 204], у которого «самые бессмысленные произведения... по-видимому, имеют смысл» [Белинский, 1953–1959, т. 2, с. 164], так как он «в своих добрых и злых гениях, чудаках и волшебниках поэтически олицетворял... светлые и темные ощущения, желания и стремления, невидимо живущие в недрах человеческой природы» [Белинский, 1953–1959, т. 4, с. 318].

Под влиянием гегельянства отношение Белинского к Гофману становилось сложным. Он все чаще говорил о гофмановском «сумасбродстве» и «болезненности», предостерегал К.С. Аксакова от увлечения «магнетизмом» – необъяснимым и фантастическим, радовался, что тот «уже стал выходить из призрачного мира Гофмана» [Белинский, 1953–1959, т. 11, с. 366]. Особенно же раздражал русского критика «уродливый гений Германии» Жан-Поль, который «то возвышался до вечных звезд поэзии, то впадал в изысканность и в совершенное бессилие, если не сказать, бессмыслие» [Белинский, 1953–1959, т. 3, с. 55]. И ему, и Гофману противопоставлялся опять-таки Шекспир, который «крепко держится земли» [Белинский, 1953–1959, т. 4, с. 165]. Но Гофмана, даже охладев к нему, Белинский продолжал считать несравнимым с другими современными авторами – за «поэтическое очарование и деспотическую, прихотливую, своенравную власть над душою читателя» [Белинский, 1953–1959, т. 4, с. 311]. Задумывая собственный перевод его сочинений, останавливался на «Серапионовых братьях».

Немецких писателей Белинский оценивал двусторонне, сопоставительно. Хотя Жан-Поль мелок в сравнении с Шекспиром, он намного выше русского поэта, который «в туманных элегиях» высказывает «туманные чувства» [Белинский, 1953–1959, т. 4, с. 165]. Называя Тика посредственностью, уточнял: посредственность не безусловная, а «относительно к Шиллеру и Гёте» [Белинский, 1953–1959, т. 6, с. 177]. Гофман – «далеко низшее явление в сравнении с Гете и Шиллером», так как «он выразил только одну сторону германского духа» [Белинский, 1953–1959, т. 5, с. 318]. Весомость германского духа всегда присутствовала в понятиях русского критика – «духовному созерцанию немцев открыта внутренняя, таинственная сторона предметов знания» [Белинский, 1953–1959, т. 2, с. 554], та особенность немецкого художественно-го мышления, которую Шеллинг называл *Sinnbild*.

Сложным было отношение Белинского к Гейне. Автор «Книги песен», вдохновивший Шуберта, должен был быть ему близок. Но в Гейне рос политический поэт, и на него распространилось раздражение Белинского против «Молодой Германии»,

стремившейся подчинить литературу социальным вопросам дня. «Идеи. Книга Le Grand» и «Путешествие по Гарцу» дали ему повод квалифицировать Гейне как «прозаического писателя с политическим направлением» и даже связывать его переезд в Париж с «тлетворным духом новейшей литературной школы Франции» [Белинский, 1953–1959, т. 2, с. 504], – с реалистическим.

По мере утверждения в европейской литературе нового направления Белинский принимал немецкий романтизм все более избирательно. На былые бои с классицизмом смотрел уже беспристрастно – статуи Буало и Шлегелей были для него одинаково разбиты вдребезги. Традиционное внимание немецких авторов к личностному, а не общественному, его тоже раздражало. Изображение женщины у того же Жан-Поля и Жорж Санд он сравнил как «лепет умного и доброго ребенка по сравнению с громовой речью возмужалого человека» [Белинский, 1953–1959, т. 8, с. 236]. Гофман был поставлен им ниже Скотта и Купера, у которых «изображена жизнь действительная, а не воображаемая» [Белинский, 1953–1959, т. 10, с. 140].

В целом же немецкий романтизм с его сосредоточенностью на внутреннем человеческом мире не мог не привлекать Белинского. Как-то он написал Боткину: «...серапионовский круг напомнил мне наш московский...» [Белинский, 1953–1959, т. 11, с. 508].

Список литературы

1. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений : в 13 т. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1953–1959.
2. *Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии. – Ленинград : Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1973. – 565 с.
3. *Бестужев-Марлинский А.А.* Сочинения : в 2 т. – Москва : Гослитиздат. [Ленингр. отд-ние], 1958. – Т. 1. – 631 с. ; Т. 2. – 742 с.
4. *Каменский З.А.* Московский кружок любомудров. – Москва : Наука, 1980. – 327 с.
5. *Каменский З.А.* Русская эстетика первой трети XIX века. Романтизм. Эстетические воззрения декабризма // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века : в 2 т. / [сост., вступ. ст. и примеч. З.А. Каменского]. – Москва : Искусство, 1974. – Т. 2. – С. 9–77.
6. *Манн Ю.В.* Русская философская эстетика. – Москва : МАЛП, 1998. – 381 с.
7. *Михайлов А.В.* [Вступ. статья и комментарии] // Эстетика немецких романтиков. – Москва : Искусство, 1987. – С. 7–43, 564–708.
8. *Пушкин А.* Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной // Пушкин А. Сочинения. – Ленинград : Гослитиздат, 1938. – С. 742–745.

9. Фризман Л.Г. Литературная критика декабристов // Литературно-критические работы декабристов. – Москва : Художественная литература, 1978. – С. 5–24.
10. Шеллинг Ф.В. Философия искусства. – Москва : Мысль, 1966. – 496 с.
11. Шлегель Фридрих. Эстетика. Философия. Критика : [в 2 т.]. – Москва : Искусство, 1983. – Т. 2. – 447 с.
12. Brüder Grimm. Kinder- und Hausmärchen. – Stuttgart : Reclam, 1984. – Bd. 1. – 409 S.
13. Müller F. von. Unterhaltungen mit Goethe / mit Anm. vers. u. hrsg. von R. Grumach. – [Kleine Ausg., 2. Aufl.] – Weimar : Böhlau, 1982. – 401 S.
14. Novalis. Dichtungen und Prosa / [hrsg. von C. Träger, H. Rüdiger ; mit Einl. u. Erl. von C. Träger]. – Leipzig : Reclam, 1975. – 670 S.
15. Setchkareff W. Schellings Einfluß in der russischen Literatur der 20er und 30er Jahre des 19. Jahrhunderts. – Leipzig : Harrassowitz, 1939. – VI, 106 S. – (Veröffentlichungen des Slavischen Instituts an der Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin ; 22).
16. Thalheim H.-G. Natur- und Kunstpoesie. Eine Kontroverse zwischen Jacob Grimm und Achim von Arnim über die Aneignung älterer, besonders volkspoetischer Literatur // Weimarer Beiträge : Zeitschrift für Literaturwissenschaft, Ästhetik und Kulturwissenschaften. – 1986. – Jg. 32, H. 11. – S. 1829–1849.